

нии Алеши Христос оказывается воплощением *той же самой* радости, единственное в чем можно видеть отличие – это в том, что Христос делает земную радость *вечной*: *совершенной*. Или, может быть, лучше сказать, что *в нем* эта радость становится вечной и совершенной, а через него и благодаря ему – такой же в каждом человеке.

Очень выразительно описание того состояния, к которому пришел Алеша после своего видения и произошедшего с ним обращения: "...что-то твердое и незыблемое как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом <...>" (14; 328). В третий раз повторенное "на веки веков" как бы соединяет в себе первые два и подсказывает, что идея, которая воцарилась в уме Алеши, нерасторжимо соединяет Христа и земную радость. Выражение "на веки веков" мы очень часто используем как метафору, как замену выражения "на всю жизнь"; но в данном случае Достоевский употребляет оба эти выражения вместе и тем самым заставляет нас понимать "на веки веков" в *буквальном* смысле, в том смысле как оно использовано в самом первом случае, для обозначения бессмертной перспективы личности – бытия "в гостях" у Христа.

Алеша в его состоянии до обращения назван здесь "слабым юношей", и это подтверждает высказанную нами выше мысль о том, что православная вера и путь монаха – это только первая проба еще неопытной, не нашедшей себя души. Алеша преодолевает эту *несовершенную* веру, не случайно, через несколько строк, автор сообщает что "через три дня он вышел из монастыря". Наконец, обратим внимание на то, что встал он *твердым бойцом*; это понятие явно не из лексикона церковного христианства. Вообще выстроенное здесь противопоставление "слабый юноша" – "твердый боец", на наш взгляд, выразительно обозначает противоположность исторического христианства и гностической религиозности Достоевского. Традиционное христианство как "религия слабых" противопоставлено религиозному мировоззрению, в центре которого находится идея "самоспасения" – сам человек, равняясь на Христа как на образец, призван бороться за свое совершенство, за реализацию своей божественной сущности, а также помогать другим людям в этом. Значение Христа заключается в том, что он, посещая человека, помогает ему раскрыть *его собственную силу*, и после этого уже сам человек вместе со *своим Богом* оказывается способным победить *своего дьявола* в глубинах своей души. Именно это и происходит с Алешей. И хотя дьявол продолжает существовать в нем и, возможно, еще не раз проявит себя (об этом повествует более поздняя сцена с Лизой Хохлаковой), но можно ручаться, что темное начало никогда не будет господствовать в его душе.

После всего сказанного выше можно попытаться, хотя бы в предварительном плане, решить весьма принципиальную проблему – выявить общую идейную конструкцию романа "Братья Карамазовы".

Главная сквозная тема романа – это выбор Алешей правильного пути в жизни, обретение окончательного, взрослого мировоззрения. Этот процесс осуществляется в трех сценах, в трех *испытаниях* наивной, незрелой веры Алеши: первое – это встреча с Дмитрием, второе – разговор с Иваном в трактире, третье – сон в келье умершего старца Зосимы. Во время встречи с Дмитрием, который, как говорилось выше, является носителем радости, выразителем мистического пантеизма гностического толка, Алеша осознает, что он похож на брата и все, что говорит Дмитрий, выражает и его сокровенные убеждения: Дмитрий констатирует, что в крови Алеши, как и в нем, бурлит "сладострастие насекомого", а сам Алеша признает, что он стоит на первой ступени той "лестницы разврата", наверху которой находится Дмитрий. Всё это *необходимо* для причастия радости, поскольку радость – это полнота цельного бытия, и, значит, в ней все низшие, материальные проявления человеческого существования должны присутствовать в не меньшей полноте и напряженности, чем высшие, духовные. У самого Дмитрия присутствует явный перекося в сторону низших, материальных проявлений, но для Алеши именно они являются принципиальными, поскольку в его незрелом жизненном опыте проявлены только высшие составляющие – только *религиозная*